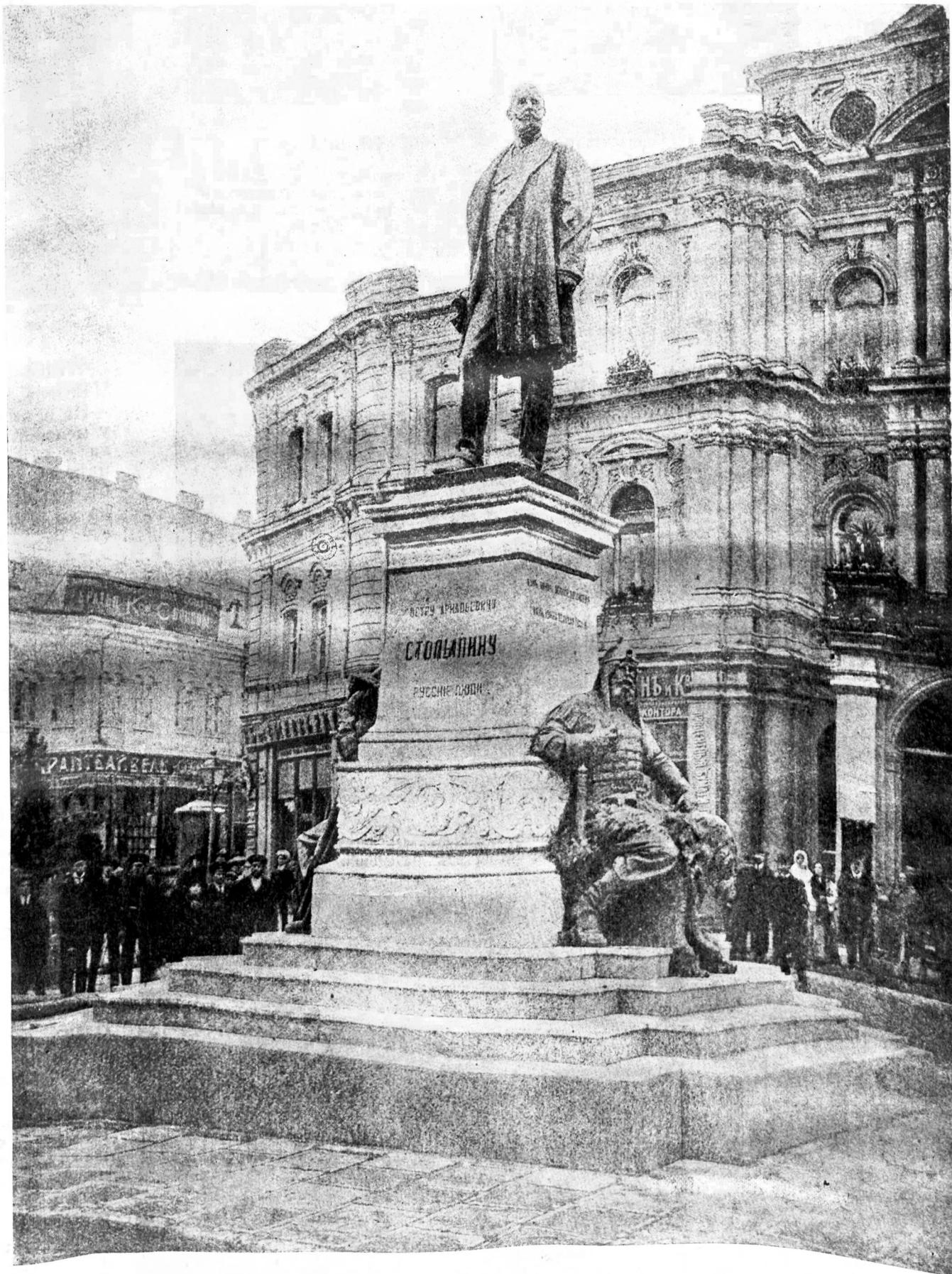

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Суббота, 14-го Сентября 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11625.

Памятникъ П. А. Столыпину,

открытый въ Кіевѣ 6 септѣмври.

Н. Н. Шебеко,
русский посол в Румынии,
назначенный послом в Вену.

† И. П. Герзинтровъ,
один из старейших русских журналистовъ. Писатель в саратовских газетах под псевдонимом «Каменный Гость». Один из основателей «Саратовского Листка», въ прошломъ году отпраздновавшаго пятидесятилетний юбилей. Съ 1909 г. И. П. становится во главѣ изданій «Саратовскаго Вѣстника».

†И. В. Авинашъ,
летчикъ-студентъ с.-петербургскаго политехническаго института, новая жертва авиации.

Военный лётчикъ, поручикъ П. Н. Несторовъ,
продолжавший безумный по смѣлости полетъ внизъ головой въ Киевъ.

МИНИАТЮРЫ.

Вдали.

Я въ имѣніи моего старого дяди. Еще такъ недавно я проводилъ здѣсь мои гимназическія каникулы, а теперь дѣла и дѣла совсѣмъ увлекли меня въ городъ. И вотъ случайно, проѣздомъ остановился я на нѣсколько дней въ моей милой «Болоевой балкѣ».

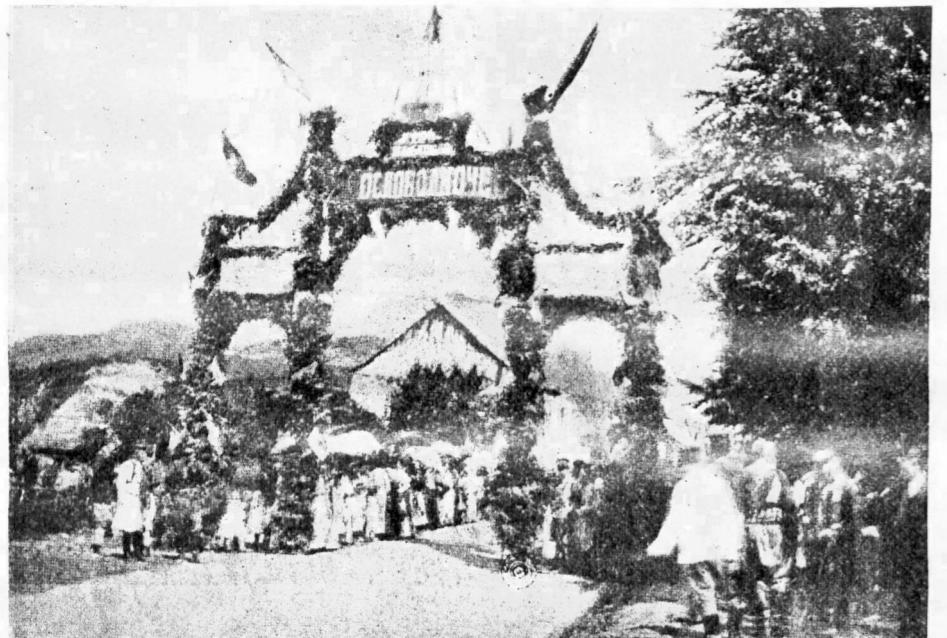
Весь день бродилъ у моря и въ рощѣ.

Видѣть старую служанку Машеньку. По старѣла, еще болѣе темнымъ стало ея лицо. Видѣль, какъ пасся широкобокій Сѣрко, — весело пережевывалъ зеленую травку. Потомъ въ амбарѣ невольно заливался работницей Мотей.

Стоялъ по колено въ свѣжей пшеницѣ, жестянной кружкой отсыпала ее въ мѣшокъ. Золотистая пыль поднялась вверхъ и свѣтымъ ореоломъ окружала молодое крѣпкое тѣло. Такъ и сія и на загорѣломъ лицѣ вились глаза.

Весь день бродилъ и не замѣгъ времени.

Вечеромъ, при помо-щи Моти, окончательно устроился въ маленькой комнатѣ старого дома, рядомъ съ библиотекой. Тамъ было много книгъ съ желтыми кожаными корешками, и стояли тяжелыя красного дерева.

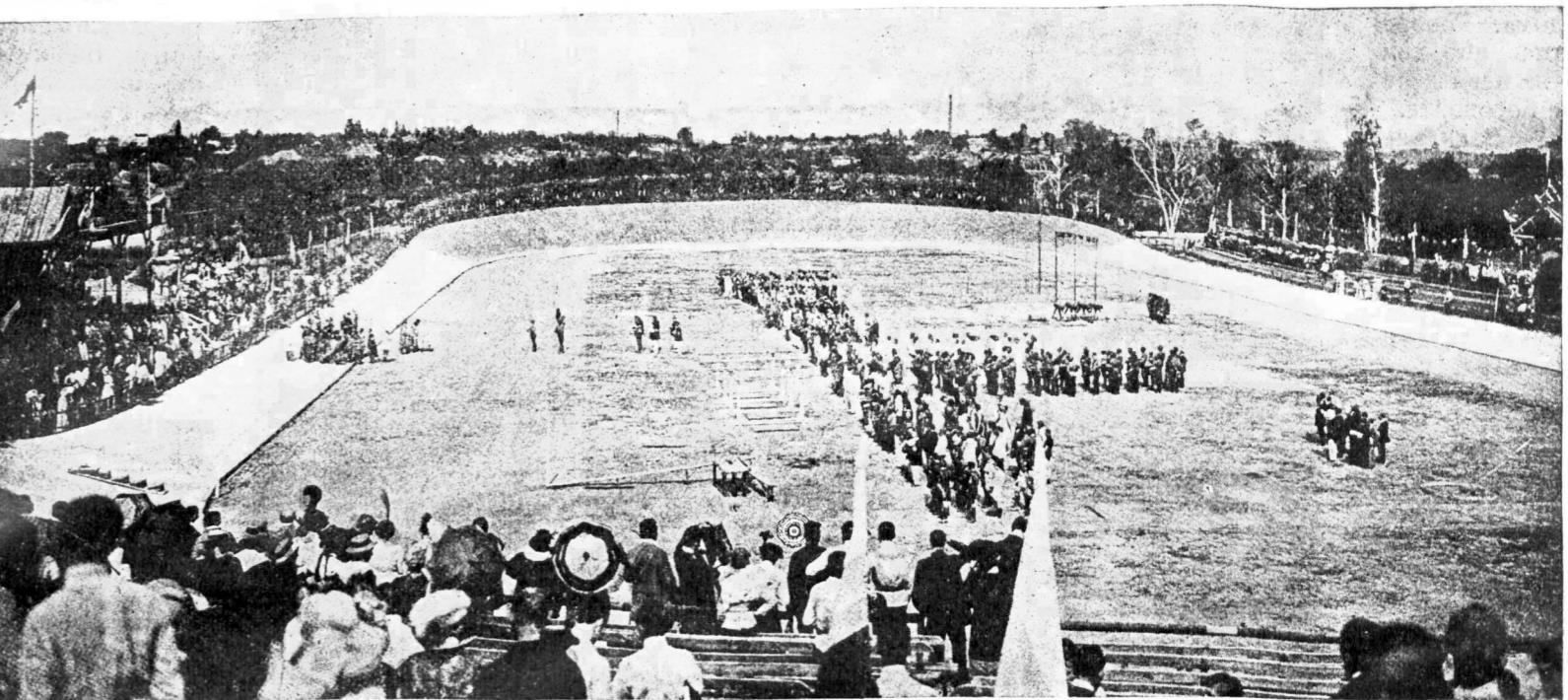
Триумфальная арка въ Колосинѣ, где состоялась встреча черногорскихъ войскъ при возвращении изъ Македоніи.

Путешествие Пуанарэ «киноконито».

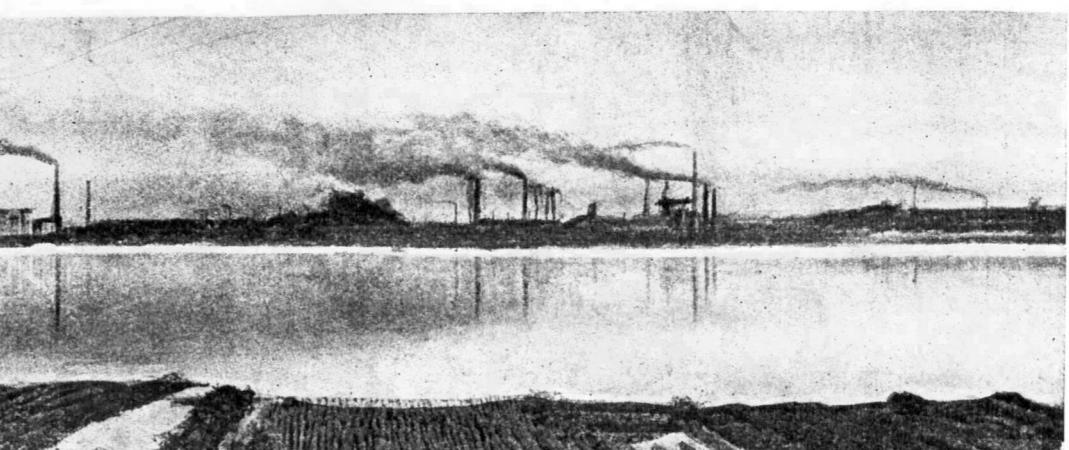
Президентъ (X) съ супругою (XX) на улицѣ гор. Лапло, близъ Лиможа.
(См. статью Н. Яворского въ № 11616 „Южн. Кр.“).

Первая русская Олимпиада.

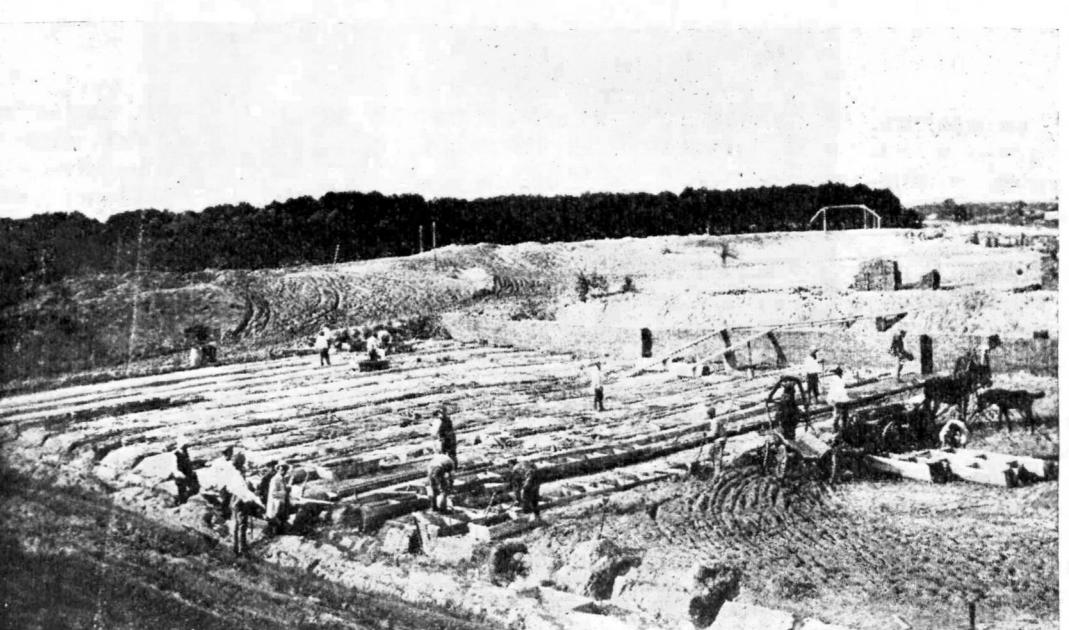
Общий видъ киевскаго стадиона. Начало состязаний.

Юбилей завода.

Днѣпровскій заводъ южно-руssкаго днѣпрозскаго металлургического Общества, отпраздновавшій на дняхъ свой 25-лѣтній юбилей. Одновременно былъ отпразднованъ и юбилей нынѣшняго директора-распорядителя О.—ва И. И. Ясюковича, являющагося фактическимъ создателемъ завода

Постройки Харьковской канализационной биологической очистной станции.

Постройка окислителей. Устройство бетонного dna и дренажного канала.

ница Мотя прыгала, словно собака вокруг широкобокаго Сѣрка, а собака сутилась въ амбарѣ съ пшеницей. И еще... Чертѣ знаетъ что снилось! Это возможно только въ деревнѣ.

Господинъ Сонь все перепугалъ.

Вскочиль съ постели, — утро. Яростное, молодое, великолѣпное утро.

Оно напоминаетъ мнѣ веселаго зеленаго звѣра съ золотою гривой. Веселый, сильный, шаловливый звѣрь! Лѣзть въ мое окно и рычитъ, бѣгасть по лугамъ, суетится въ саду, плаваетъ въ морѣ, дразнить животныхъ, подзадираетъ пестрыхъ пѣтуховъ и будить людей.

Всюду хлопочеть, рычитъ, звенить, трещать, у всѣхъ напрягаетъ мускулы, все приводить въ движение, всюду разбрасываетъ суету, и куда ни посмотрѣши, — пестрять его зеленые бока, сверкаетъ золотая грива.

Уго, — яростный солнечный звѣрь!

Дѣай твою лапу, увлажненную росой! Ого, какой ты молодецъ! Но я тоже еще могу бѣгать, могу рычатъ и всѣхъ подзадоривать. Я тоже еще могу сверкать золотой гривой!

Вечеръ.

На всѣхъ столикахъ у меня, Мотя поставила букетики полевыхъ цветовъ въ простыхъ бѣзъ вазочкахъ. Окна моихъ новой спальни (два окна) выходятъ на море, которое все плещется и плещеть внизу. Я закрылъ стекла.

Все такъ было чисто и спокойно въ моей комнатѣ. Пахнетъ ванильками, ромашкой. Раздѣлся, затушилъ лампу и сладко вытянулся на мягкой постели. Тонкій лунный лучъ, словно проникая сквозь старинную кисейную занавѣсъ на окнѣ, упалъ на спину моей кровати въ ногахъ и запрыгалъ блестками на металлическихъ прутьяхъ.

Сначала было какъ то жутко. Несуразное пришло въ голову.

Вспомнился дядя Иванъ, который умеръ въ этомъ домѣ. Лежалъ блѣдный, блѣдный, — я тогда въ четвертомъ классѣ гимназіи былъ, лежалъ, больной и стоналъ. Помню, его мертваго уже повезли въ городъ, а когда хорошили, лицо уже было у него совсѣмъ темное и страшное. Эти два лица, блѣдное и темное, путались передъ глазами. А потомъ матъ вспомнила, пскойскую... Несуразное лѣзло въ голову. Прислушался, оглянулся внимательно, съ

оторопью, и вдругъ сразу все разсыпалось и стало весело, спокойно. А тѣло наполнялось истомой, приятно тяжелѣло; изъ темныхъ угловъ вѣяло дремотой.

Уже въ полуночи представился дѣдушка такимъ, какимъ былъ, когда еще прѣѣхалъ въ городъ давно-давно, и матъ была жива. Братъ онъ меня, маленька-го, на колѣни, отворачивая на лѣвой рукѣ рукавъ матросской курточки и, держа за ладонь, изображая двумя пальцами, какъ козлики идутъ въ лѣсъ; и, когда пальцы медленно приближались ко сгибу руки, вдругъ неудержанно хотѣлось хохотать и вырывать руку. Козлики бѣжали въ лѣсъ, а я вырывался и хохоталъ.

Лунные блестки ужесѣбѣжали со спинки кровати и двумя бѣлыми кружечками лежали на стѣнѣ; на столѣ — графинъ съ водой сдѣлался сѣребрянымъ.

Изъ темныхъ угловъ вѣяло дремотой.

Заснулъ. Что снилось? Коровы бѣлые, какъ парусъ, и лодки съ парусами, которые были покрыты бурыми пятнами, словно коровы бока. Загорѣлая работ-

Шлепаютъ, чьи то легкіе шаги въ пустыхъ комнатахъ старого дома. Говорю шлепаютъ, ибо двигается на меня деревенское босоножіе.

Мотя. Васильковые глаза, подтыканная юбка.

Милая примитивность! Примитивность не знаетъ этикета: Мотя прямо, безъ стука входить въ мою комнату.

Ахъ, синьорита Мотя, вѣдь, я могъ быть совсѣмъ не одѣтъ! И благодаря Бога, соблюдающаго вашу дѣственность, что я одѣтъ хоть немного!

Такъ я подумалъ. А Мотя улыбается. Какая тому причина? Никакой. Это, просто, утро улыбается ея губами, утро веселое и яростное, которое живеть въ ея крѣпкомъ и гибкомъ тѣлѣ.

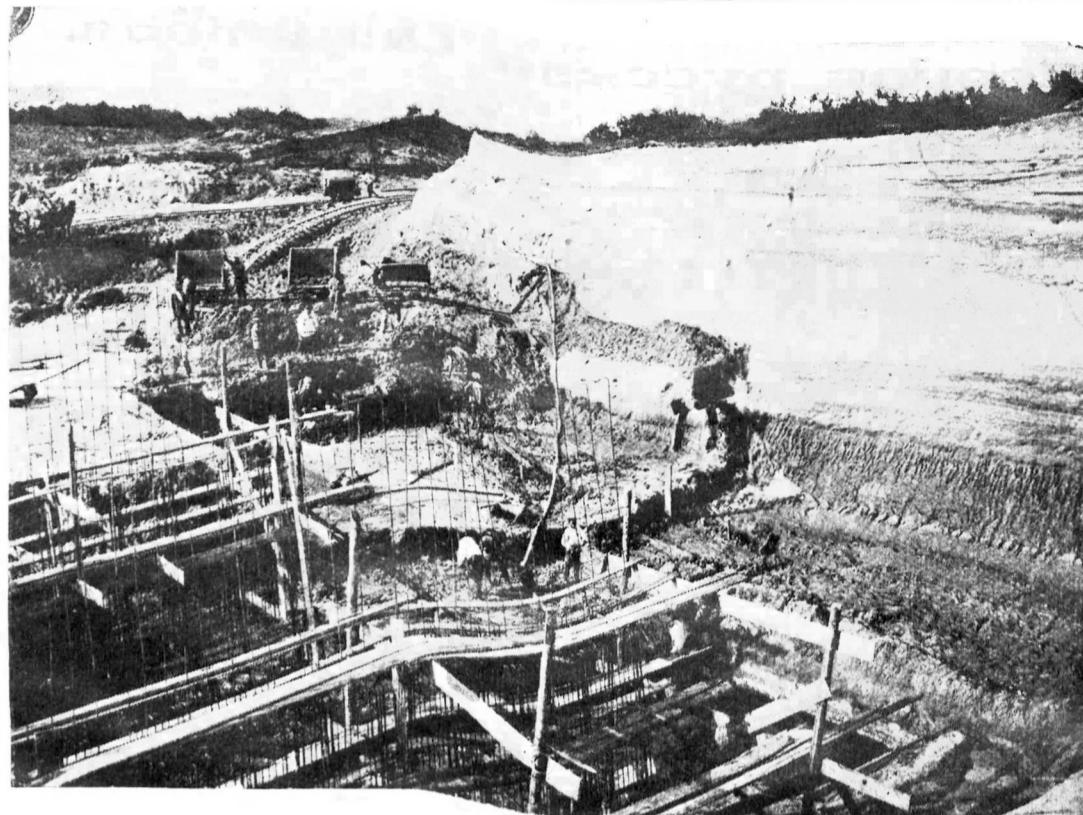
А слушайте, Мотя, вы знаете, что такое анабіозъ? Нѣть. Но тогда вамъ, вѣроятно, известно, что у чеховъ неблагополучно насчетъ конституції? Какъ, тоже нѣть! Но, конечно, вы не разъ думали о томъ, кому достанется старый Адріанополь?

Впрочемъ, все это я тоже подумалъ. Мотя ничего не знаетъ. Мотя растетъ. Какое счастье! Она, пожалуй, никогда не слыхала, что были Будда и Магометъ, Бисмаркъ и Данте, и живутъ царь Фердинандъ и поэтъ Ростанъ, какая счастливница!

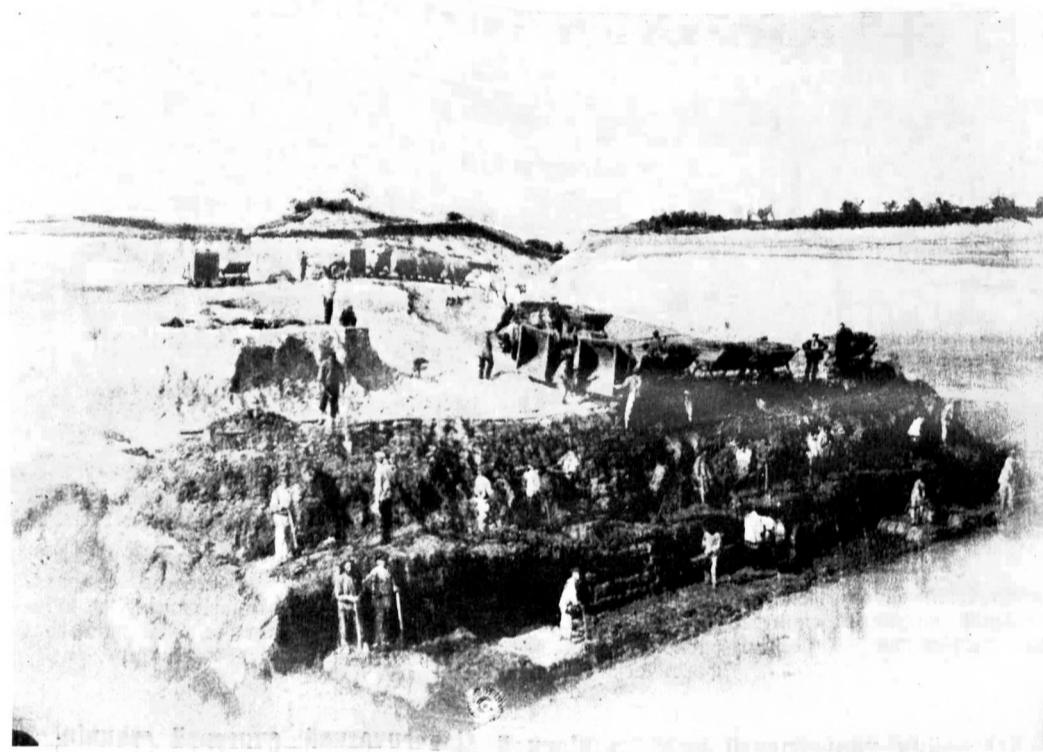
Нѣть, Мотя, напрасно вы смотрите на меня съ такимъуваженіемъ. Я вѣдь, знаю всяку дрянь и интересуюсь даже анабіозомъ и предѣльнымъ ростомъ черноморскихъ крабовъ

Наконецъ, я только хвасталъ. Я во-все не могу бѣгать и рычать и совсѣмъ не умѣю сверкать золотой три-вой. А, главное, я хоршо знакомъ съ различными каплями, пилюлями и голова моя начинена самой вѣзмутельной дрянью. (Бродѣ тюфяка для студента). Да, да,—ужъ лучше я посмотрю на васъ съуваженіемъ, моя молочно-пшеничная синьорита!

Черезъ нѣсколько минутъ на террасѣ, на бѣлой скатерти, — кувшинъ

Желѣзобетонныя сооруженія по устройству отстойныхъ резервуаровъ для сточныхъ водъ. Установка арматуры.

Земляные работы по устройству отстойныхъ резервуаровъ для сточныхъ водъ.

топленного молока, янтарное масло, коричневый пахучій хлѣбъ, огурцы и яйца.

Это что? Письма изъ города. Ну, зачѣмъ. Вѣдь, это совсѣмъ не поможетъ пищеваренію.

И я чувствую, что мое настроеніе опадаетъ. Сразу грустно.

Вѣдь, сще нѣсколько днѣй,—и меня снова возьметъ городъ, захватить въ свою жадную пасть и начнетъ переваривать вмѣстѣ съ другими людьми, дѣлами, выдумками, заботами и вообще, всякой дрянью.

Сразу грустно. А что ты думаешь обѣ этомъ, широкобокій Сѣрко?

Сокровище.

Въ маленькой се-ребряной коробочкѣ у меня хранится тон-кій шелковый пла-токъ съ коричневой каймой.

Въ концѣ кон-цѣвъ, совсѣмъ обы-кновенный платокъ.

Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ-фи ирала свои сле-зы красивыя груст-ная дѣвшушка.

Тогда я не видѣлъ ея лица. Я видѣлъ только ея золотистые волосы. Ихъ прѣди такъ жа-лобно поникли и скрыли щеки.

Это были слезы тоски, слезы горя, слезы любви. Она любила меня и тे-ряла, можетъ быть, навсегда.

И вотъ, въ шелко-вый платокъ пада-ли золотыя капли ея любви, свѣтлый жем-чугъ ея отчаянія.

Я не знаю, чѣмъ вы гордитесь.

Своими книгами, своими знакомыми, мягкими туфлями, дѣтъмъ, піанино, ван-ной комнатой, лаки-рованными ботинка-ми, тѣмъ, что у ва-шей жены красивыя руки, тѣмъ, что вы обладаете возмож-ностью ужинать по воскресеньямъ въ шикарномъ рестора-нѣ, что ваша урод-ливая бородавка спряталась за ухо?

Не знаю. У васъ такъ много различ-ныхъ оснований для гордости.

А я...

Я горжусь этимъ маленькимъ шелко-вымъ платкомъ.

Онъ перешелъ ко-мнѣ отъ дѣвшуш-

ки, для которой я былъ самымъ свѣт-лымъ, самымъ драгоценнымъ чело-вѣкомъ.

И въ этомъ маленѣкомъ кусочекъ шелка похоронены золотыя капли большей, чудесной любви.

А. Станкевичъ.

